

Логика и топология

Димитр Вацов

ИНСТИТУТ КРИТИЧЕСКИХ СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ,
ПЛОВДИВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ, БОЛГАРИЯ

1. “Аргумент против рефлексивности высказывания” – его конструктивная и деконструктивная сила

В фокусе этого текста – лингвистический поворот в философии начала XX века. Обычно этот поворот описывают посредством оппозиций типа “хололизм-атомизм”: как разбиение горизонта старой монистической метафизики, но также и как провал попыток создания “чистого математико-логического языка”, и, соответственно, установления возможностей “чистого описания фактов”. Различные историко-философские оптики позволяют различные идентификации поворота во времени, в авторах, текстах, акцентах, но его “общим местом” остаются работы Рассела и Витгенштейна. Задача здесь, однако, не в том, чтобы провести еще одну историко-философскую реконструкцию случившегося, а, наоборот, проблематизировать саму возможность подобных реконструкций, когда их перспектива структурируется такими терминами, как “универсальное-локальное”, “континуитет-дисконтинуитет” и пр. Следовательно, я предполагаю, что разбиение идеи “универсальной логики” на множество “локальных логик”, разделенных прерывностями, срезами, различиями, или, иначе говоря, подмена “логики” “топологиями”, представляет собой “эффект” случившегося, а не его “сущностную характеристику”. Подозрение, которое мной руководит, состоит в том, что Рассел и Витгенштейн (в иной перспективе то же относится к Гуссерлю и Хайдеггеру) натываются на проблему, которая производит как “систематические двусмысленности” оппозиции типа “универсальное-локальное”, но эти оппозиции “не годятся” для ее решения. Что же это за проблема?

Несмотря на то, что Рассел и “ранний” Витгенштейн идеализируют возможность создания “универсальной логики”, в их работах наблюдается повто-

Перевод с болг. Т. Петкова

рение одного и того же аргумента, который они выдвигают против своих предшественников или “интеллектуальных противников”, но который систематически разрушает их собственные идеализации. Его можно распознать как “аргумент против рефлексивности пропозиций”. Эксплицитно этот аргумент сформулирован Расселом в парадоксе “множества всех множеств” и в “парадоксе лжеца” (Russell 1985: 132-133), а Витгенштейном – в 3.333 “Трактата”: “Функция... не может быть своим собственным аргументом.” Просто говоря, аргумент гласит, что никакое высказывание не описывает само себя.

Аргумент серьезен, ибо он бьет по идее “полного и окончательного описания существующего”. Если высказывание никогда не описывает само себя, то всякое описание отлагает “остаток неопишуемости”. Это в свою очередь означает, что никакое высказывание не высказывает абсолютного (это и есть то “место”, с которого атакуют традиционную логику и метафизику). А если это так, то задача, которая первоначально стоит перед Расселом, как и перед Витгенштейном в “Трактате”, это – провести демаркацию между тем, что в принципе возможно описать, и тем, что в принципе неопишуемо (между “значимыми” или “имеющими смысл” и соответственно “бессмысленными” пропозициями). Хотя и перенесенная с эпистемологического на лингвистический уровень, эта задача – трансцендентального типа. Здесь я лишь отмечу, что когда Кант ставит задачу проведения границы между познаваемым и непознаваемым, он руководствуется структурно аналогичным аргументом: если сознание не может познать само себя, тогда что в принципе возможно, и соответственно, невозможно познать? Или: “аргумент против рефлексивности высказывания” (в классическом трансцендентализме – “познания”) порождает желание картографировать “остаток” неопишуемости, дабы было ясно, что вообще возможно описать (познать), а что – нет.

Я оставляю это общее замечание о “трансцендентализме” без дополнительной аргументации, чтобы обратить внимание на некоторые из проблем, которые указанный аргумент порождает в работах Рассела и Витгенштейна, типы решений, которые они пытаются им дать, и проведенная ими деструкция их собственных решений с помощью того же аргумента.

Как я сказал, аргумент против рефлексивности высказывания предполагает, что всякое высказывание отлагает остаток неопишуемости – т. е. описание никогда не бывает “полным”, означающее и означаемое не совпадают без остатка. Задача логического анализа – восстановить, хотя бы частично, “утраченное тождество” между означающим и означаемым, разграничивая, в каких случаях символизм является “полным” или “совершенным”, и в каких он таким не является. Ибо лишь посредством допущения “полного символизма” возможно удержать логическую обратимость высказываний, но и вещей – а это и есть основная идеализация математической науки. Отсюда, задача в том, чтобы анализировать высказывание до тех его составных частей, которые вполне соответствуют составным частям действительности (“индивидам” или “объектам”). В то же время анализ показывает, что “элементы” высказывания различаются между собой сообразно своим качественным спецификациям (“предметы-аргументы”, с одной стороны, “свойства-предикаты” и “отношения-реляции”, с другой, и “логические связи”, с третьей). За этим усложнением задачи, происходящим от непосредственного анализа, стоит и теоретико-практическая проблема: сообразно аргументу против рефлексивности высказывания, “совершенный символизм” – полное тождество означающего и означаемого – не может быть гарантирован непосредственно, исходя из самого вы-

сказывания, так как высказывание не тождественно себе (не является рефлексивным). Следовательно, “совершенный символизм” должен быть гарантирован “извне” – посредством какого-нибудь а priori, которое установило бы, каким типам означений и высказываний вообще возможно быть “совершенным”, а каким – нет.

Пути Рассела и Витгенштейна при идентификации именно этого а priori эмблематически расходятся. Крупно стилизуя, можно сказать, что с помощью “теории типов” Рассел пытается установить некое “а priori логического словаря”,¹ в то время как в “Трактате” Витгенштейн устанавливает “а priori логической грамматики”. Я называю это расхождение эмблематическим, потому что его эхо звучит в последующей философии языка и продолжается за ее пределами, переходя в странные и сложные метаморфозы через таких разнородных авторов, как Куайн, Лиотар или Рорти. Здесь я, однако, не буду заниматься “историческим воздействием” разграничения между словарем и грамматикой, ни их “приложимостью” по отношению к конкретным языковым ситуациям. То, что меня интересует, это – какие проблемы вообще (логические, но и онтологические) порождаются подобными попытками обосновать тождество означающего и означаемого “извне” – независимо от того, как идентифицировать это “внешнее а priori”: как “словарь” или как “грамматику”; как “универсальное” или “локальное”; как “гомогенное” или “констеллятивное”; как “языковое” или “внеязыковое” (напр. социальное). В этом смысле, меня интересует структура подобного типа аргументаций, построенных с целью разрешить проблемы, порожденные “аргументом против рефлексивности”, как и эффект бумеранга, который тот же самый аргумент оказывает на них самих.

Текстуальная корректность требует отметить, что Рассел не когерентен в своих “общих идеях”, что в своих различных работах он часто впадает в “натурализм” или “эмпиризм”, принимая прямое и непосредственное соответствие между именем и индивидом, между “отношением в высказывании” и “чистым голым абстрактным отношением” и т. д. – т. е. он не всегда учитывает “аргумент против рефлексивности высказывания”, который запрещает “непосредственный полный символизм”.² Несмотря на это – и несмотря на то, что “теория типов” представляет собой незаконченную теорию – нужно отметить, что в “Философии логического атомизма” 1918 г. она все более приближается к теории “опосредованного или возможно полного символизма”, а не “непо-

¹ По отношению к Расселу подобное определение является стилизацией: в его работах “априорный словарь” – лишь одно из решений, которое он пытается “вслепую” предложить. Там, где он говорит о “логической форме пропозиций”, он пытается конструировать “априорную грамматику”.

² Вся его теория “непосредственного знакомства” с чувственными данными, как и с логическими формами, являет собой стремление к “непосредственному символизму” (ср. Рассел 1997). Проблемы, однако, которые встают перед ним при попытке специфицировать “типы знакомства” (напр. с “партикуляриями” и “универсалиями”), все более толкают его от “натурализма” к “априоризму”, так что “теория типов” все более становится “теорией символов, а не вещей” (Russell 1985: 137). Это “очищение” Рассела от натурализма к априоризму прослеживает Д. Деянов в статье “Философская логика в одной эпистемологической рукописи” (Деянов 1997). Впрочем, благодаря моей работе с Д. Деяновым осуществилась и огромная часть моего личного “знакомства” с этой тематикой.

средственного (Russell 1985: 137).³ Этот сдвиг акцентов, который сам по себе достаточно интересен с историко-философской точки зрения, не будет, однако, интересовать меня здесь сам по себе. Важно отметить, что независимо от того, понимает ли Рассел словарь (“теорию типов”) “натуралистически”, как “действительное совпадение имен и сущностей”, или же, учитывая “аргумент против рефлексивности”, мыслит его “априористически”, как некое “возможно полное совпадение”, в обоих случаях решения не выдерживают проверки тем же аргументом – против рефлексивности. Впрочем, аргумент выведен непосредственно против “теории типов” в 3.33-3.34 “Трактата” – его можно резюмировать кратко: если высказывание не рефлексивно, то “значение” “знака” не может быть предварительно установлено посредством какого-нибудь словаря, но оно целиком зависит от конкретного употребления “знака” в высказывании. Иначе говоря, “значение” зависит от места, на которое попадает “знак” в пропозиции – “знак сам по себе” не имеет ни непосредственного, ни априорного “значения”. В решении Витгенштейна способ означения или символизм зависит не от словаря, а от логической грамматики, которая специфицирует типы мест для “знаков” и соответственно “типы их возможных значений”.

Собственно, в “Трактате” “аргумент против рефлексивности высказывания” уже получил содержательное расширение, которое позволяет мыслить его как нечто большее, чем формально-логический парадокс. Высказывание не есть и не может быть рефлексивным, потому что учитывается “факт” его непосредственного протекания – оно актуально необратимо. Если высказывание необратимо – если “пропозиции похожи на стрелки”, – то “значения” имен в них (“точек”) не даны предварительно (словарным образом), а являются непосредственно положенными (или “помещенными”) самим протеканием. Если, однако, этот тезис – о необратимости высказывания – радикализировать, означение было бы всегда уникальным и, следовательно, не был бы возможным никакой “совершенный символизм”, и соответственно, никакое твердое разграничение между возможными и невозможными, имеющими смысл и бессмысленными пропозициями. Витгенштейн, разумеется, пытается отстаивать в “Трактате” именно возможность “совершенного символизма”. И он делает это, подставляя под “актуально необратимое протекание высказываний” – “возможные способы их протекания”, которые обратимы и детерминированы логическим синтаксисом, соответственно, неким а priori логической формы. Но здесь “аргумент против рефлексивности высказывания” активизирует аргументацию со следующей структурой: если актуальное высказывание не рефлексивно, если оно неизбежно отлагается актуально необратимым образом, то его “потенциальная обратимость”, хотя она допущена, не может быть актуально высказана – именно потому, что актуальное высказывание необратимо. Соответственно, логическая форма – априорный принцип обратимости – трансцендирована: ее нельзя актуально высказать, хотя она каким-то мистическим образом “показывается”. Но тогда получается парадокс: если “аргумент против рефлексивности высказывания” направить радикально против самой логиче-

³ Термины, которые я ввожу – а именно, “непосредственный” и “опосредованный символизм” – предназначены для удобства: в обоих случаях речь идет от “полном символизме”, но в первом случае он мыслится как непосредственное совпадение означаемого и означающего, а во втором – как возможное совпадение, опосредованное каким-либо а priori (логическим словарем, логическим синтаксисом и т.д.).

ской формы, ее нельзя описать даже как неопишемую. Впрочем, имплицитно таким и является аргумент Рассела, когда в предисловии к английскому изданию “Трактата” он говорит, что в нем сказано слишком много о том, о чем невозможно говорить. Проблема в том, что если этот аргумент радикализировать, если, высказывая, описывая, отлагает всякий раз необратимым образом остаток неопишемости, то и “описуемое”, и “неопишемое”, поскольку они актуально отложены, не могут быть разграничены раз и навсегда. Следовательно, невозможно провести твердую демаркацию между возможным и невозможным, имеющим смысл и бессмысленным, познаваемым и непознаваемым. Иначе говоря, “аргумент против рефлексивности”, проведенный последовательно, рушит сам принцип трансцендентализма, независимо как он идентифицирован: через словарь, грамматику или какое-либо другое *a priori*.

Впрочем, именно осознанием того, каким образом упомянутый аргумент бьет по идее “априорного логического синтаксиса”, можно объяснить “собственный поворот” Витгенштейна от “Трактата” к “Философским исследованиям”. Если “аргумент против рефлексивности” провести последовательно, нельзя удержать никакой “универсальной логической формы” – ее нельзя удержать не только как “описуемую”, но и как “неопишемую”. Иначе говоря, этот аргумент рушит идеализацию “универсальная логика”. Невозможно обосновать универсальных правил “полного символизма” – трансцендентных или имманентных, – следовательно, “символизм” может быть только “локальным”, его могут руководить лишь “специфические” правила, которые относятся к определенной языковой игре, а не к языку вообще.

Если обобщить, в первом приближении “аргумент против рефлексивности” ведет к релятивизации “универсального” в “локальное”, “логики” в “топологии”. В “социальных науках” второй половины XX в. “топологии” превращаются в стиль аргументации – хотя и аргументации разворачиваются в бесконечное разнообразие “методов”, которые могут быть разграничены прежде всего ввиду того, где и как они идентифицируют свое “локальное *a priori*”, а отсюда и ввиду способа, которым они специфицируют свой “предмет”. Можно определить “топологии” и как ослабленную (со стороны претензии на универсальность) версию трансцендентализма: антропологическую, историческую и т. д. (словосочетание “ослабленный трансцендентализм” принадлежит Хабермасу, оно приложимо к “топологиям”, которые я определяю как “локально априористические”: ср. Хабермас 1999: 39). Несмотря, однако, на различие в претензии (“локальное”, а не “универсальное”), “топологии” сближаются с “логикой” в одном весьма важном пункте: они “пространственны”. А “пространство” представляет собой фигуру обратимости – высказываний, но и вещей.⁴ Следовательно, хотя и со сниженной претензией, “топологии” исследуют “обратимости”, но также и предполагают “обратимости, поскольку обосновывают их посредством *a priori*.”

В “Философских исследованиях”, однако, Витгенштейн удерживает определенную “интуицию”, которая, хотя и неразработанная, ставит под вопрос

⁴ Хотя в этом тексте я исследую “обратимость” пространства – логического и топологического, – “пространственную обратимость” не следует мыслить в противовес какой-то “временной необратимости” – напротив, мой тезис в том, что время – тоже фигура “обратимости”, хотя и усложненная. “Топологические возражения” против “субъекта: и “внутреннего времени” уместны, но здесь критика метафизики расширена и по отношению к пространству.

сам “топологический метод”. Если “аргумент против рефлексивности” понять не только как формально-логический парадокс, который из-за своей “нерешимости” рушит идеализацию “универсальной логики”, а обязать его с “актуальным и необратимым протеканием высказываний”, тогда его радикализация не позволяет не только создания универсальной теории языка, но не позволяет и “полного описания” локальных языковых игр. Или: “аргумент против рефлексивности высказывания” есть аргумент против “полного описания” не только некоего “универсального”, но и “локального а ргіогі” – если высказывание актуально отлагается необратимым образом, то “принцип обратимости”, даже если он “локален”, не может быть высказан “сам по себе”. Удержание этого аргумента превращает “Философские исследования” в “путевые наброски”, а не в законченный пейзаж. Иначе говоря, так как языковые игры вместе с их правилами – не просто “локальные формы, но и “формы жизни”, они не могут быть однозначно локализованы.

Если это учесть, то задача этого текста – радикализировать далее “аргумент против рефлексивности высказываний”. Задачу, однако, не следует понимать как желание дальнейшей релятивизации “принципа рефлексивности”, раздробления или констеллятивного усложнения “обратимостей”, т. е. задача не является “топологической”. Проблема в том, что, если учитывать “актуальное и необратимое протекание высказываний”, их “обратимость” нельзя предполагать – даже и “локально”, даже и “сложно” (ее не следует объяснять ни “контекстуально”, ни как “специфическое употребление”, ни через какую-либо другую “уникальную детерминацию”, которое выражение, между прочим, является оксюмороном). Проблема, которая в то же время является и гипотезой, состоит в следующем: не можем ли мы мыслить “логическую обратимость” высказываний, но и вещей, как всегда “вторично полученную”, притом актуально необратимым образом? Что принесет нам, если мы предположим, что онтологическая необратимость высказываний является как до их “логической”, так и до их “топологической обратимости”? И каковы будут следствия такой гипотезы по отношению к гуманитарным и социальным наукам?

Этот текст в большой степени ограничится постановкой проблемы. На следующих страницах проблема будет поставлена генеалогически – посредством генеалогии понятия “смысл” у Рассела и раннего Витгенштейна. Мне кажется, что “смысл” исторически отложился как понятие, которое “беременно” именно напряжением между онтологической необратимостью и логической обратимостью – как высказываний, так и фактов.

2. Логическая обратимость и онтологическая необратимость высказываний: “смысл отношений” у Рассела и “смысл пропозиций” у Витгенштейна

Логика – как идеализация тождества, соответственно обратимости – неизбежно редуцирует необратимость высказывания, которая редукция формально выражается в способе, которым третируется глагол в высказывании. При различных посылах в различных логиках редукция тоже различна, но она налицо. В самом общем плане различие между Аристотелевой и, скажем Расселовой математической логикой можно описать именно через то, как они

“схватывают” глагол.⁵ Известно, что у Аристотеля глагол – “знак высказанного о чем-то другом”, лишенная собственного содержания связка, простая “принадлежность” предиката к субъекту (Аристотель 1997: 9). Этот способ редукции действия (глагола), на котором основана структура суждения S-P, неизбежно привилегирует субъект по отношению к предикату – и Рассел прав, что если эту структуру онтологизировать и развернуть, результатом будет логико-онтологической монизм (Russell 1926: 54-55). Задача Рассела, однако, – создать формальный аппарат или логику, которая в духе математической науки позволяет мыслить множество равноправных логических субъектов (индивидуумов), без того, чтобы аппарат привилегировал кого-либо из них. Необходимо, следовательно, редукция действия (глагола), но такая, которая не привилегировала бы единственного субъекта – глагол должно свести к “отношению” между равноправными соотносимыми. Более того – чтобы соотносимые были равноправны, отношение должно быть “внешним” и одинаково независимым от них – если мыслить его как “внутренне присущее”, одно из соотносимых автоматически является привилегированным (у Аристотеля отношение-вместе-с-соотносимым мыслится как предикат субъекта). У Рассела равноправность соотносимых гарантируется обратимостью отношений (их конверсом) – обратимость возможна лишь если отношение является “внешним”, если у него есть “собственная сущность”. Или, обобщенно говоря: Аристотелева логическая редукция глагола, хотя и на другом уровне она имеет целью и позволяет обратимость (известны правила обращения, превращения и т. д. суждения), все еще имплицитно удерживает элемент онтологической необратимости высказывания, поскольку она привилегировывает позицию субъекта. Этот тип редукции сводит актуальную необратимость и перспективность высказывания к перспективе, отвердевшей в логико-онтологической форме S-P: Расселова редукция глагола к “отношению” стремится вычистить остатки перспективности во имя “математической объективности” – отделение реляции от релятума и ее эмансипация должны гарантировать равноправность соотносимых посредством ее полной обратимости, что означает отсутствие перспектив. Здесь Рассел встречает затруднения.

В сущности, выявляется проблема, которую можно прочесть через уже появившуюся оппозицию между логической обратимостью и онтологической необратимостью высказывания. Чтобы поставить ее, я вкратце проблематизирую “смысл отношений” у Рассела и “смысл пропозиций” у Витгенштейна.

Проблема “смысла отношений” (sense of relations) является важной и эмблематической по двум причинам. Во-первых, она важна для Рассела, потому что от ее решения зависит математическая логика: если не будет раскрыт и дефинирован твердый “смысл отношений”, нельзя обосновать логической

⁵ Генеалогия здесь не беспредпосылочная. Анализ основывается на гипотезе, что до того, как стать одним из элементов высказывания”, который вместе с другими “элементами” может быть подложен различным – обратимым – способам упорядочивания, конкретно сопряженный глагол (а не “глагол вообще”) является действием, которое актуально и необратимо упорядочивает остальные элементы. Или: конкретно сопряженный глагол очерчивает непосредственную перспективу высказывания, по отношению к которой обратимость перспектив (объективированная в обратимости спряжений) является вторичной. Общее для всех логик то, что они редуцируют необратимость высказывания посредством редукции глагола. Эту гипотезу я разрабатываю в другом месте – здесь она работает имплицитно.

“атомизм”. Во-вторых, она важна для нас, потому что затруднения, встреченные Расселом при ее решении, показывают, насколько логическая интерпретация высказывания и сопутствующая ей редукция действия (глагола) являются идеализациями. Или: здесь видно, что “логическая обратимость” высказывания представляет собой вторичную идеализацию, которая пытается скрыться, но не может вычистить до конца его первоначальную “онтологическую необратимость” – необратимость неизбежно прокрадывается под обратимость и показывает ее как идеализацию.

Уточню в первую очередь, что Рассел не мыслит однозначно любой глагол как отношение. Когда идет речь о “предикации”, он колеблется, определить ли ее как отношение, или нет – и этот вопрос остается нерешенным, потому что, технически, для “пропозиций типа $f(x)$ ” Аристотелева интерпретация глагола как лишенной содержания связки продолжает работать (совместимость нового формального аппарата с традиционным здесь как бы не требует специальной тематизации проблемы – “краснеет” сводимо к “есть красное” – предикат прост, составленный из одного элемента и “пустой” копулы, т. е. с формальной точки зрения нет разницы между “есть Р” и “f от”). Сложнее обстоит дело, однако, с глаголами, которые нельзя свести к простому предикату. Проблема встает со всей серьезностью тогда, когда Рассел рассматривает примеры типа “а предшествует б” – когда сам глагол требует дополнения (т. н. транзитивные или переходные глаголы в грамматике). В Аристотелевой интерпретации содержание глагола снова переносится к предикату, чтобы глагол остался “пустой” связкой, но в предикат попадает и дополнение, т. е. предикат является сложным (Р= “до б”; предикат составлен из двух элементов). Подобная логическая интерпретация неизбежно привилегирует подлежащее по отношению к дополнению (или наоборот, когда “А бьет Б” свести к “Б бит А”). При всех положениях один из “индивидуумов”, которые глагол ставит, оказывается привилегированным как субъект, в то время как другой (или другие) – вместе с “содержанием” глагола, которое оказывается изъятым и субстантивированным, чтобы сделать копулу “пустой” – попадает в предикат. Предикат в традиционной логике, когда глагол транзитивен, является сложным, составленным из нескольких элементов – если перифразировать Рассела, он может быть “двухместным”, “трехместным” и т. д. (составленным из “содержания” глагола плюс n дополнений).

Эта интерпретация неудовлетворительна для Рассела, потому что: 1) производит монистическую онтологию; 2) не позволяет конверс так описанного высказывания (пропозиции). Дабы избежать ее, он должен эмансипировать “содержание” глагола, представить его как “отношение”, независимое от “соотносимых” – а это, по его мнению, означает и отказ от формы S-P, новый способ записи и осмысления подобных пропозиций (xRy). Эта эмансипация, однако, предполагает, что отношение отличается “типологически” от соотносимых – оно должно иметь “иной”, специфический статус. “Теория типов” – логический словарь – должна исполнять именно такую функцию: разграничить типы возможных составляющих комплексов так, чтобы со стороны “составляющих” выявить возможные способы “составления” и “обращения” комплексов – посредством исключения невозможных. Во всех случаях, однако – независимо от того, изъято ли содержание глагола предикатом (Аристотель), или оно эмансипировано в “отношение” (Рассел) – его необратимость редуцирована.

Здесь я отмечу, что ставшая после того традиционной для математической логики запись $f(x,y)$ в большой степени реставрирует структуру S-P – с той разницей, что здесь сложен не предикат, а субъект: “содержание” глагола опять сведено к функции (к простому предикату), общей для двух или более аргументов (субъект многоместен). Рассел, однако, не записывает пропозиции о отношениях таким способом, может быть, также и потому, что не догадывается о подобной возможности – форма записи xRy , видимо, лучше соответствует увиденной им самой проблеме.

Проблема, которая встает перед Расселом, это проблема “смысла или направления отношений”. В эпистемологической рукописи 1913 г. Рассел наткнулся на нее практически, при анализе конкретных пропозиций: он, например, замечает, что “отношение предшествования” в “а предшествует б”, где оно в действительности является “соотносящим отношением” (Рассел 1997: 143), “присутствует” различным образом или играет различную роль по отношению к роли, которую оно играет в “а предшествует б”, где оно “присутствует” как соотносимое.⁶ В первом случае у отношения есть направление (смысл), оно протекает от-а-к-б и “видимо, что отношение должно по самой своей сущности иметь характер вида “от и к”, вроде вагона, у которого есть крюк спереди и отверстие для крюка сзади” (там же: 149). Сразу же после этой констатации, однако, Рассел “извиняется”, что это – всего лишь заблуждающая аллегория и что “до” и “после” отличаются лишь в языковом плане, и следовательно, каким бы ни было отношение, “оно *должно* (курсив мой – Д. В.) быть симметричным по отношению к своим двум концам” – его следует изображать “с крюком на обоих концах, пригодное путешествовать в оба направления. При объяснении *различия в смысле* (курсив мой – Д. В.) нельзя упускать этот факт из виду” (там же).

По существу, Рассел сталкивается с феноменом, который в определенных случаях трудно игнорировать, а именно, на необратимое протекание высказывания (но и вещей), которое он пытается отождествить с термином “смысл” (sense). На самом деле он игнорирует эту необратимость протекания везде, где возможно – объявляет ее психологическим или языковым эффектом. Проблема у него выступает лишь при пропозициях, которые содержат “асимметричное отношение” и чью “асимметрию” нельзя легко формализовать, ни объяснить психологически – она проявляется “объективно” (напр. временная последовательность предполагает “объективное” необратимое протекание). Несмотря на

⁶ Д. Деянов терминологически проясняет мысль Рассела с помощью терминов “собственный” и “наложенный логический тип”. Когда отношение находится в позиции “действительно соотносящего отношения”, оно мыслится в соответствии с “его собственным типом”, в то время как в пропозициях, где оно попадает на место соотносимого, ему “наложен” чужой логический тип – тип “вещи”, а не “отношения”. Задача здесь, однако, пойти дальше и показать, что отношение, даже как “действительно соотносящее”, поскольку оно предполагает обратимость, является “наложенным типом” по отношению к глаголу в его непосредственной необратимости (см. Деянов 1997: 17-18). Мой вывод таков, что любой “логический тип” “наложен”, т. е. он является идеализацией. Вместе с тем разграничение собственного от наложенного типа имеет свои основания. “Соотносящее отношение” – первично наложенный тип, поскольку субстантивированное отношение – вторично наложенный тип по отношению к нему. Таким же образом актуальная необратимость высказывания является первичной по отношению к обратимости перспектив (по отношению к отношению, даже как “действительно соотносящему”).

это, логика как идеализация тождества (поскольку Рассел не мыслит ее как идеализацию, а как природу) не позволяет ему признать собственный статус необратимости даже и в “частном случае” асимметричных отношений. Поскольку он онтологизирует идеализацию тождества, он *должен* отказаться от “крюка спереди и отверстия сзади”, он *должен* свести асимметрию к “симметричной асимметрии”, к “обратимой необратимости”. Рассел *должен* представить чертящие необратимость глаголы “предшествует” и “следует” как “различие в смысле” или две стороны одного и того же отношения – отношения “последовательности” (Рассел 1997: 152).

Ответ Рассела на это “должен” не последователен, он ищет решение “логической проблемы”, нащупывая. На самом деле в своей “Рукописи” 1913 г. Он делает две предложения, но не утверждая и не разрабатывая до конца ни одно из них. Первое, это допущение “чистых отношений” (“сами голые абстрактные отношения”) как самостоятельных сущностей, с которыми мы имеем непосредственное знакомство, хотя и отличающееся от нашего знакомства с чувственными данными (Рассел 1997: 152). Этот платонический ход предполагает, что “отношение само по себе” можно связать с терминами двумя разными способами, или его “два смысла” являются двумя потенциями “самого отношения”. Второе допущение, которое должно решить ту же проблему трансценденталистского типа и движется по линии разграничения между формой и материей. Если как отношение, так и термины являются материей (комплексом) (“а предшествует б”), то за конкретной пропозицией (комплексом) Рассел допускает “логическую форму” (xRy), которая специфицирует позиции, которым оставляющим комплекса возможно занять – спецификация для комплексов с асимметричным отношением такова, что, если налицо комплекс “а предшествует б”, то его описание со стороны “б” предполагает конверс отношения: “б следует за а” (Рассел 1997: 149; 162). Иными словами, “логическая форма” специфицирует не только позиции составляющим комплекса, но посредством позиций специфицирует и “способы связывания составляющих”. Иначе говоря, “разница в смысле” является “разницей в способе связывания составляющих”, которая детерминирована со стороны “логической формы” – в случае возможны лишь всего способа связывания, т. е. возможны всего два “смысла отношения” (необходимость $a \text{ r} \text{ g} \text{ i} \text{ o} \text{ i}$).⁷

На самом деле оба предложенных Расселом решения имеют одну и ту же цель – свести необратимость и перспективность высказываний (но и “фактов”) к набору из “возможных перспектив” (“смыслов”), которые взаимно обратимы между собой. Это означает мыслить протекание под рамкой необхо-

⁷ Второе предложение Рассела разработано логически более точно Д. Деяновым (Деянов 1997: 12-13). При этом уточненном решении, по мнению Д. Деянова, “загадка смысла” исчезает. Здесь, напротив, я пытаюсь показать, что даже когда проблема смысла будет решена логически, это происходит ценой редукции онтологической необратимости – решение является идеализирующим скрытием, а не устранением необратимости. “Смысл” оказывается той ускользающей категорией, посредством которой необходимость оказывается инкорпорированной в идеализацию “обратимости”, дабы быть логически редуцированной. Тогда тот же “формальный вывод” получается обратным путем: если необратимость, вместо того чтобы быть логически редуцированной, будет онтологически признанной, “загадка смысла исчезает”. Загадка есть только тогда, когда необратимость скрывают посредством идеализаций, из-за которых – так как они суть идеализации, а не природа – она неизбежно показывается.

димости, действие под определенностью. Из двух решений – эссенциалистского и трансценденталистского – я обращаю внимание прежде всего на второе, потому что у Витгенштейна и в последующей философии оно играет решающую роль. Впрочем, этим решением Рассел “смотрит по ту сторону теории типов”: к некоему “априорному логическому синтаксису”.

Гипотеза здесь состоит в том, что когда в “Трактате” Витгенштейн говорит о “смысле пропозиций” (Sinn, sense), он на самом деле расширяет обхват, но сохраняет общую интерпретативную рамку понятия “смысл”, как эта рамка фиксирована Расселом в связи с решением “более частной” проблемы отношений (я имею в виду модель “второго” решения). Первое сходство, которое бросается в глаза, это то, что “смысл” у Витгенштейна связан с направлением пропозиций, с их протеканием: “Имена похожи на точки, пропозиции похожи на стрелки – у них есть смысл” (3.144). Или: посредством понятия “смысл” опять имеется в виду необратимость высказывания, но теперь она учитывается не только по отношению к пропозициям, содержащим отношение, а по отношению ко всем пропозициям. Второе сходство в том, что “возможность смысла” предоставляется именно логической формой (3.13; 1.14) – логическая форма очерчивает набор из возможных связей между элементами пропозиции (как и набор из возможных связей между вещами – 2.031; 2.032; 2.033), а с тем очерчивает и ригидную границу между возможным и невозможным, имеющим смысл и бессмысленным. Именно логическая форма редуцирует актуальное протекание высказываний к набору возможных протеканий – необратимое протекание высказывания мыслится в рамках “структуры” (под рамкой определенности, соответственно, необходимости), которую ему налагает логическая форма. Третье сходство в том, что необратимость все-таки обратима: “Пропозиции “р” и “-п” имеют противоположный смысл, но им соответствует одна и та же действительность” (4.0621). Обратимость – вопреки необратимости – снова гарантируется логической формой, которая является общей для языка, мышления и действительности. А это означает, что актуальная необратимость высказывания-восприятия-«случения» вещи редуцирована к различным, даже обратимым “смыслам” – к различным проявлениям одной и той же вещи (формы) в зависимости от различных точек зрения или перспектив на нее. Более того, различные возможные перспективы (смыслы) уже предвидены (хотя и в потенции, а не актуально) со стороны логической формы. Именно так в “Трактате” идеализация тождества (соответственно, обратимости) наложена на актуально проявляющуюся онтологическую обратимость.

Выявление сходств неизбежно представляет собой также игнорирование различий, но моя цель здесь – не сделать изощренный сравнительный анализ, а поставить проблему в общем плане. Все-таки я сделаю несколько уточнений.

Первое относится к настоящей интерпретации “Трактата”: “смысл” – не единственное понятие, под которым Витгенштейн имеет в виду необратимое протекание – хотя и разнесенные по разным уровням в его picture theory, подобную роль играют “случай” ((Fall, case),⁸ “проектирование”, “факт”. Здесь я

⁸ Болгарский перевод Fall (case) как “налицо” не позволяет увидеть коннотацию “протекания”, которую несут и немецкое, и английское слово (я имею в виду отредактированный Витгенштейном перевод Огдена). На самом деле Витгенштейн мыслит “случай” как упорядочивание наличий в соответствии с априоризирующей логической формой, которая предрешает возможность структуры (порядка), но этот перевод упускает момент протекания, которое, хотя и потенциально предре-

попытаюсь вкратце распределить их следующим образом. “Случай” и “смысл” являются параллельными понятиями – если “случай” отмечает протекание (связывание) вещей (объектов), т. е. через него мыслится протекание на стороне “действительности” (1; 2; 3.0271), то “смысл” имеет в виду протекание на стороне мышления и словесного выражения (“образа” и “пропозиции” – 2.141; 2.222; 3.1431; 3.144 и др.). “Проектирование”, мне кажется, представляет собой, скорее, не термин, а истолковывающее пояснение “смысла” (3.11). “Факт” – слово, которое обобщает “случай” и “смысл” – фактом является все, что содержит момент протекания: “существование состояния вещей”, “образ”, “пропозиция” (1.1; 2; 2.141; 3.14; 3.142; 3.1431; 3.1432 и др.). Во всех случаях, однако, эти термины выражают актуальное упорядочивание тождеств (объектов, элементов образа, имен), которое предначертано логической формой в аспекте его общей структуры (порядка), но не в аспекте конкретного способа (необратимой последовательности) ее заполнения. Впрочем, посредством этого различия между “а priori возможным порядком” и “актуально случившимся упорядочиванием” Витгенштейн разграничивает “имеющую смысл” от “истинной” пропозиции: “имеет смысл” та пропозиция, чье “актуальное упорядочивание” в принципе возможно (находится в согласии с логической формой); “истинна” та пропозиция, чье “актуальное упорядочивание” соответствует “актуальному упорядочиванию вещей” (соответствует действительно случившемуся – случаю, состоянию вещей, факту). Соответственно, не всякая имеющая смысл пропозиция (соответственно, имеющий смысл образ) истинна, но всякая истинная пропозиция (соответственно, истинный образ) имеет смысл – логическая форма является общей для действительности, мышления и языка (2.225; 3.13; 3.24). Поэтому и претензия “Трактата” – не описать действительность, а провести границу между в принципе возможными и в принципе невозможными описаниями, соответственно, состояниями вещей (между имеющими смысл и бессмысленными высказываниями).

Второе уточнение касается связи между “значением” и “смыслом” в “Трактате” (а, значит, и к критике теории типов Рассела). Витгенштейн, следуя за Фреге и противопоставляя себя Расселу, заявляет, что слово “имеет значение лишь в пропозиции” – “функция поэтому не может быть своим собственным аргументом” (3.261; 3.3; 3.333; см. также “Философские исследования”, 49). Обычное объяснение этому разрыву круга между “значением” и “смыслом” – эмпирическое: с помощью многообразия существующих языков и различий в их употреблении – 3.323 (у позднего Витгенштейна – разнообразие языковых игр).⁹ Если, однако, на разрыв между значением и смыслом смотреть

шенное, является актуально необратимым, а и логически неуловимым (2.061; 2.062).

⁹ Здесь необходимо уточнить: в “Трактате” Витгенштейн размыкает круг между значением и смыслом со стороны значения, но замыкает его вторично (хотя и на другом – априорном - уровне) в круговом отношении “символ - логическая форма”. В “Философских исследованиях” под вопрос поставлен даже сам этот априорный круг смысла, поскольку “не существует” единой универсальной логической формы”. Несмотря на это, метод интерпретации смысла как априорную «круговость», поскольку “то, что имеется в виду” управляется правилами языковой игры (локальным логическим синтаксисом), продолжает работать – “смысл” просто оказывается локализованным (не универсальным).

со стороны “проблемы смысла”, упомянутое “объяснение” или “решение” является вторичным. Что я имею в виду?

Проблему можно сформулировать как логическую антиномию: 1. Если признать необратимое протекание высказывания, невозможно удержать тождество означения. Иначе говоря, если “актуальное упорядочивание слов” (смысл) необратимо (а это значит – уникально), нельзя гарантировать, что одни и те же слова в двух высказываниях будут значить одно и то же (отсутствует повторяемость).¹⁰ 2. И наоборот: если допустить повторяемость значения, необходимо, чтобы смысл был обратимым, т. е. протекание должно быть редуцировано.

Разумеется, подобная антиномическая радикализация двух тезисов “некорректно” как прямая интерпретация “Трактата”, но оно имеет целью заострить проблему, которая, как мне кажется, является решающей и для Витгенштейна. Допущение необратимого протекания пропозиций (но и вещей) не позволяет ему мыслить твердые значения слов. Вместе с тем – так как идеализация тождества онтологизирована – протекание редуцировано к “смыслу”, а “возможные смыслы” определены и детерминированы со стороны логической формы. Эта редукция-детерминация требует обратное отвердение “значения” (“Требование возможности простого знака – это требование определенности смысла” – 3.23; также и 3.2 и далее). Но это отвердение “значения” не происходит на уровне слов – Витгенштейн не выдвигает “простых знаков”, а говорит об “их возможности”; в отличие от Рассела (теория типов) он не строит словарь с твердыми значениями (3.331). “Значение” является твердым лишь в возможности, а не актуально – иначе говоря, есть твердые типы отвердения значений, а не типы слов с твердыми значениями. Возможные типы отвердения специфицируются логической формой – позиции или места, которые логическая форма предоставляет элементам пропозиции (образа), качественно дифференцированы, т. е. известно, что имя, попавшее на определенную позицию, должно означать определенным образом. Позиция детерминирует способ означения – она предполагает общую спецификацию значения. Позиции могут быть описаны посредством символов (задачей лингвистического анализа является именно их точное описание – с помощью логического символизма). Следовательно, отвердение значений регулируется грамматикой (логическим синтаксисом), а не словарем, который является случайным (3.325). Логический синтаксис как языковая ипостась логической формы чертит а priori смысла, а отсюда и а priori для значений – символ представляет собой потенцию значения.¹¹

¹⁰ Тезис “развит” в деконструкции (“след”, “difference” у Деррида, но также и “семиозис” у Ю. Кристевой или “tensor” у Лиотара). Антитезис – классическая идеализация современной науки.

¹¹ Логическая пропозиция $f(x)$ под соответствующими символами предполагает, что любое имя, попавшее на место f , должно иметь значением “свойство”; и любое имя, попавшее на место x , должно иметь значением “вещь”. Одно и то же имя, однако, может попасть на различные логические места и, следовательно, иметь различные значения – “узнавание символа в знаке” (3.326) является узнаванием его “места” в логической грамматике: место в логической грамматике специфицирует потенцию значения. Внимание “при имеющем смысл употреблении” знака является узнаванием именно этого а priori смысла (см. 4.1211).

Разграничению между “смыслом” и “значением” в “Трактате” следовало бы быть “решением” формулированной мной антиномии. Посредством его необратимое протекание высказывания редуцировано к случайной конкретной реализации предопределенной общей возможности. Разграничение между случайностью и необходимостью проводится согласно классическому трансценденталистскому разграничению формы и материи, где возможность (символ) как проекция необходимости (формы) отграничивает случайность (материю пропозиций – значения). Символ (а это означает – смысл, чьей определенности символ является “выражением” – 3.31; 3.311; 3.312) играет роль трансцендентальной схемы, которая является посредником между формой и материей. Подобному распределению логических ролей следовало бы решить проблему необратимого протекания, поскольку оно редуцировано и детерминировано со стороны логической формы. Решение, однако, не без остатка, потому что проблема необратимого протекания высказывания становится проблемой самой логической формы – она не может быть высказана.

Здесь я подхожу к третьему уточнению, которое касается логической формы и различия между сказанным и показанным. Моя гипотеза, что именно актуально необратимое протекание пропозиций, которое Витгенштейн учитывает как неизбежный факт, не позволяет логической форме быть высказанной. Или: различие между сказанным и показанным проведено, чтобы устранить напряжение между идеализацией “логическая форма” и высказыванием как актуальным языковым событием, которое она не может ухватить. Что я имею в виду?

Парадокс в следующем: если всякая пропозиция актуально необратима (ее высказывание, осмысливание, написание, прочитывание и т. д.), то принцип ее логической обратимости не может быть актуально высказан (написан, осмыслен, прочитан и т. д.). Или: хотя допущена логическая обратимость, хотя актуальная необратимость редуцирована к “возможным смыслам” или способам связывания (перспективам), которые предзаданы логической формой, сама логическая форма (априорная структура связывания) не может быть актуализирована. Высказывание структуры предполагает протекание, направление ее структурирования (пропозиция aRb отличается от bRa), т. е. структура сама по себе – принцип структурирования – не может быть актуально высказана.¹² В то же время такую “чистую структуру” (логическую форму) следует допустить, дабы гарантировать обратимость высказываний (“определенность смысла”). Если она не может быть высказана, она должна каким-то образом показываться в актуальном высказывании – просвечивать сквозь него (4.12; 4.121).

Не только логическая форма, но и смысл пропозиции (как “определенный смысл”) не может быть высказан – актуальное упорядочивание слов (вещей), поскольку оно протекает, не равно “возможному порядку” (определенному смыслу), определенному “как”, который предзадан логической формой и тождествен (4.022). То, что предполагает логическая форма посредством логического синтаксиса, представляет собой тождество (абсолютно необходимое); то, что она исключает, представляет собой противоречие (абсолютно случайное как невозможное); то, что актуально случается (в языке, но и в действительно-

¹² Вероятно таков аргумент Витгенштейна против Расселового “непосредственного знакомства с логической формой”. Аргумент – типа “третьего человека” у Платона: попытка идентификации “чистой формы” ведет к бесконечному умножению сущностей (к логическому регрессу).

сти), представляет собой возможное (как граница между необходимостью и случайностью, между тождеством и противоречием – 4.463; 4.464). “Чистое” тождество в смысле “чистого” значения невозможно удержать на уровне языка, так как означение в пропозициях неизбежно связано с протеканием “смысла” (3.333). Поэтому самая близкая к логической форме языковая ее ипостась – это логическое пропозиции (тавтологии) – но они “не имеют смысла”, так как их возможные смыслы взаимно нейтрализуются: их смысл свернут в непротяженную точку, в математический “0” (в ,том смысле, в “тождество” – 4.461; 4.411; 6.1; 6.11). Логические пропозиции не говорят ничего о действительности, не говорят, как обстоит положение вещей, потому что они покрывают всю действительность. Противоречия же исключают всю действительность, так что они тоже лишены смысла (4.463). Тогда “факт”, “случай”, “смысл” – актуально случающееся – оказываются логически парадоксальной межой между тавтологией и противоречием, между необходимым и случайным, но на самом деле они инкорпорированы в необходимость посредством категории “возможность”. Возможное (логические места, символы) – проекция или образ логической формы в пропозициях (4.121); сама же логическая форма не высказывается, хотя она и показывается в них (тождество, скорее, подсказано в пропозициях, а не сказано). Логическая форма – “вне мира”, как находится вне мира его смысл, понятый как уже законченное протекание, обратимый и определенный смысл (4.12; 6.41). Логика, как и этика и эстетика, трансцендентальна (6.13; 6.421). Высказывание отличается актуальной нестабильностью, протеканием, в котором стабильность, структура всего лишь просвечивает, показывается. Тождество в “Трактате” трансцендировано.

Хотя эти замечания являются довольно общими, я здесь не буду детализировать далее интерпретацию, дабы не потерялась нить проблемы в логическом лабиринте Витгенштейна. Важно – увидеть, как при учете актуальной необратимости высказывания идеализация тождества (обратимости), хотя и онтологически предположенная, не может быть удержана в языке и должна быть трансцендирована вне языка. По существу – хотя и на новом, “языковом” уровне – мы здесь сталкиваемся с классической проблемой, как и с классическим в своей общей рамке интерпретативным ходом: когда предположена идеализация тождества, при практической невозможности удержать ее в сейчас-происходящем, она должна быть трансцендирована вне или по ту сторону его (ход описан Ницше как допущение “сверхчувственного мира”, но здесь я пытаюсь показать, каким образом он является практико-логическим следствием онтологизации тождества).¹³ Этот ход, чтобы обосновать актуальную невозможность демонстрации идеализированного тождества, автоматически производит “онтологические различия”, которые варьируют в соответствии со способом или местом, на котором идентифицируется сейчас-происходящее, а отсюда и его зеркальную ипостась (если пойти от чувственного – допускается сверхчувственное, но умопостигаемое; соответственно: познаваемое – непознаваемое, но мыслимое; возможно сказать – невозможно сказать, но показать; и пр.). Впрочем, роль посредника между “двумя мирами” играет всегда категория “возможность”. Подобные интерпретативные ходы неизбежны всякий

¹³ Эмпиризм идеализирует тождество непосредственно – он просто игнорирует проблему актуальности протекания, всецело приписывая его субъективному произволу. Иначе говоря, эмпиризм отличается претензией на “непосредственный полный символизм”, отбрасывая “аргумент против рефлексивности” (ср. прим. 3).

раз, когда идеализация тождества становится онтологизированной – когда, забывая ее статус идеализации, мы придаем ей “природность”. Если, однако, смотреть на эти ходы без их собственного соответственного предрассудка, они ясно показывают именно это: тождество представляет собой идеализацию, “само по себе” оно невозможно.

Бесспорно, такие крупные исторические стилизации и обобщения часто предполагают сведение конкретной работы к результату, проблемы к решению – я надеюсь, однако, что несмотря на крупный штрих, проблема здесь поставлена, а не редуцирована (рассмотрение деталей не означает отсутствие редукции). Впрочем – вопреки предложенному им самим решению – проблема продолжает стоять актуально и для Витгенштейна: решение не отменяет ее, напротив, скорее проблема отменяет решение (6.54). Здесь я критикую решение (а не Витгенштейна или Рассела) именно для того, чтобы выявить проблему – генеалогия является усилием, чтобы определенное решение опять стало проблематичным.

Проблема, проистекающая из напряжения между предположенной логической обратимостью и актуальной онтологической необратимостью высказывания, видна лучше всего в понятии “смысл”. Как у Рассела, так и у Витгенштейна “смысл” фиксирует актуально необратимое протекание пропозиции (отношения). В то же время опять же “смысл” является понятием, посредством которого актуальное протекание редуцировано к “возможному способу упорядочивания элементов пропозиции”, уже предположенному со стороны логической формы (или со стороны “сущности отношения”, согласно первому эссенциалистскому предложению Рассела). В согласии с этим необратимость, которую имеет актуально протекающее высказывание, третируется как “направление” или перспектива, которая опять оказывается а priori предвиденной и даже обратимой. Важно здесь, что актуальная перспективность высказывания редуцирована к отвердевшей (предопределенной) перспективности – или перспективность мыслится под условием определенности, соответственно обратимости. Как я показал, подобная редукция встречает затруднения – как актуальная невозможность экспликации своего собственного принципа (логическая форма, которая гарантирует “определенность смысла”). Эти неизбежные практические затруднения можно прочесть как невозможность в принципе высказывания-познания-существования универсальной логической формы – что и делает Витгенштейн в “Философских исследованиях”. Отказ от универсальности, однако, не меняет автоматически интерпретативный подход к проблеме – локализация смысла (“то, что имеется в виду”) в “ход в языковой игре” не означает, что перспектива не является опять отвердевшей. Логическая форма (здесь – правила конкретной языковой игры), хотя она не “общая”, а “частная”, продолжает играть ту же роль – она гарантирует “обратимость” перспектив в рамках этой игры. Или: перспективность опять мыслится под условием определенности, с той разницей, что допущены не одна, а множество логических форм (языковых игр) – следовательно, несводимых друг к другу обратимостей.¹⁴ Иначе говоря, формальный отказ от допущения универсальной обрати-

¹⁴ Подобная схематизация “Философских исследований”, может быть, выглядит некорректной – Витгенштейн не предлагает однозначной теории “языковых игр”. Он опять стоит у проблемы, а не у ее решения – более того, “языковые игры” представляют собой деятельность, форму жизни. Здесь, однако, важно то, что очерченное решение, хотя и предложенное как проблематическое предложение,

мости не является отказом от мышления через обратимость. Всякий раз, когда мы спрашиваем: “что позволяет (делает возможным) данную перспективу?”, мы спрашиваем о принципе ее обратимости. Вопросание через возможность является вопросом об обратимости – “возможность” всегда обратима. И это – методические эффекты, которые не зависят от желания схватить вещи в их уникальности и конкретности – они не зависят от пролиферации “смысла”.

Как обобщение: “смысл” отложился для нас как условное и в то же время проблематичное понятие – хотя контекст иной, ту же проблематичную “смысловость” можно увидеть и в феноменологической традиции.¹⁵ Понятие “смысла”, хотя и “компрометированное” постмодернизмом и отброшенное как универсалистское, содержит напряжение, которое как бы само производит пролиферацию и локализацию “смыслов”. Задача, однако, этого генеалогического экскурса была лишь в том, чтобы отделить проблему от понятия, чтобы поставить ее заново. Проблема здесь была очерчена как напряжение между логической обратимостью и онтологической необратимостью высказывания.

3. Следствия и задачи (вкратце)

Размышление, хотя и проведенное в тесном и специфическом контексте, ставит “общие проблемы”. Основной тезис здесь, что “логическая”, но также и “топологическая обратимость высказываний и фактов” представляет собой вторичную идеализацию, которую мы налагаем – в известной степени “силой” – на их актуальную необратимость. Если это так, тогда что “случается” с нашими гуманитарными и социальными науками?

Один из типов решения предлагают нам такие авторы как Деррида. Здесь радикализирование “аргумента против рефлексивности высказывания” приводит к отстаиванию “полной” необратимости, случайности, уникальности и не-систематичности “дискурса”, “перформанса” и т. д. С этим типом решения, однако, нельзя “работать”, оно имеет лишь “эстетическую”, а не “объяснительную ценность”. Здесь о “науках” уже нельзя говорить – и не случайно эта тенденция развивается преимущественно в департаментах литературы. Парадоксальное в данном случае то, что отстаивание “эстетической необратимости дискурсов” воспроизводит ту же “чистоту” и “устраненность от обыденной

является следствием способа, которым ставится проблема – тип “решения” представляет собой методический эффект.

¹⁵ Ту же антиномичность – протекание-редукция, обратимость-необратимость – можно открыть в коннотациях, которые “Sinn” имеет у Гуссерля и у Хайдеггера. У Гуссерля: 1. “Смысл феномена” – интенция (акт) и редукция акта посредством категориальной пары “актуальное-потенциальное”; смысл как набор возможных для данного феномена нозтико-нозматических корреляций; “горизонт смысла” как граница с невозможным, т. е. а priori бессмысленным; и пр.; 2. Смысл в его историчности – редукция через телос, т. е. опять граница возможного. У Хайдеггера: 1. “Смысл бытия” – историчность, но и время как “горизонт смысла”, т. е. редукция посредством демаркации между a priori возможным и невозможным; отсюда демаркация между онтическим и онтологическим; и пр.; 2. Простекающая из антиномичности невозможность однозначного раскрытия смысла бытия – поворот; и т. д. Общие коннотации “смысла” в аналитической и феноменологической традиции – с обратной стороны, со стороны Хайдеггера – показывает Д. Денков (см. Денков 1992: 57-65).

обратимости вещей”, на какую претендовал и современный “универсальный ученый” (или “гений”).

Другой тип решения представляют собой различные “топологии”, находящие приложение в социальных науках. Методические проблемы, которые встают перед ними, были в известной степени набросаны выше. Парадоксально то, что они идут к все большему “раздроблению” и “усложнению” как своего “объекта”, так и “локального аргюи”, со стороны которого они его специфицируют – не будучи в состоянии фиксировать твердо ни одно, ни другое, учитывая “аргумент против рефлексивности”. Неясность по поводу статуса “описания” производит полную гамму вариаций между “наивным эмпиризмом” и таким “трансцендентализмом”, который, прилагая к самому себе “аргумент против рефлексивности”, стал “релятивистски-эстетическим”. Получается даже тот парадокс, что слишком часто, из-за невозможности описать без остатка политику в “топологическом пространстве”, эти описания все чаще служат проведению скрытых пространственных политик.

Третий тип решения предлагают такие разнородные авторы, как Ролз или Хабермас, работающие в области теории политики и этики. Здесь наблюдается твердое отстаивание “обратимости” и “когерентности аргументаций”, но с “принципа обратимости” – при учете “аргумента против рефлексивности” – снята претензия на онтологичность. Тогда тезис или аргументация представляет собой лишь одну “возможную аргументацию”, по отношению к которой прилагается прагматический критерий успешности или приложимости. Парадоксальное, однако, в том, что вопреки отсутствию тяжелой онтологической претензии, подобный тип “аргументаций, содержащих лишь возможную обратимость”, не могут объяснить, как “возможное” прилагается (“успевает”) и становится “действительным”, как “обратимость” налагается на “необратимость”. Подобные теории, очерчивающие “возможное или этическое пространство”, опять очень легко могут быть употреблены для пространственных политик.

Разумеется, предложенное описание не претендует на исчерпывающий характер, как не претендует на точность и его типология. Здесь я не придерживаюсь ни одного из упомянутых решений, так как мне кажется, что хотя они так или иначе порождены “аргументом против рефлексивности” или учитывают его, они не решают проблем, связанных с ним. А проблемы, как, надеюсь, это уже ясно, не просто методические или логические, но также и этические, политические, или, в более общем плане, онтологические. Задачей этого текста было пробудить напряжение, которое содержится в “аргументе против рефлексивности” и которое здесь было прочитано через оппозицию “логическая обратимость – онтологическая необратимость” высказывания, не привилегировав в принципе ни одну из сторон оппозиции. Серьезная задача, которую, по моему мнению, стоит исследовать в гуманитарных и социальных науках (а почему бы и не во всех науках?), состоит не столько в том, как “обратимость” вторично налагается на “необратимость”, а каким образом из необратимых протеканий высказываний, но и вещей, отлагается их конкретная “обратимость”. Ответ на второй вопрос дал бы ответ и на первый. Разумеется, для этой цели следует учитывать как актуальное и необратимое действие интерпретирующего, так и столь же необратимое действие интерпретируемого предмета. Следовательно, задача, которую я определяю как онтологическую, требует “внимательности” не столько к “возможному”, которое обратимо, как к *сейчас-происходящем*, которое необратимо.

Литература

- Аристотел, 1997. *Аналитики* (прев. И. Христов), ИК “Христо Ботев”, София.
- Витгенщайн, Л. 1988. *Избрани съчинения*, “Наука и изкуство”, София.
- Денков, Д. 1992. *Мартин Хайдегер – онтология на трагичното*, Университетско издателство “Св. Кл. Охридски”, София.
- Деянов, Д. 1997. “Философската логика в един епистемологически ръкопис” в:
Ръсел, Б., *Теория на познанието*, ИК “Критика и хуманизъм”, София.
- Ръсел, Б., 1997. *Теория на познанието*, ИК “Критика и хуманизъм”, София.
- Хабермас, Ю., 1999. *Философия на езика*, ИК “ЛИК”, София.
- Russell, B. 1926. *Our knowledge of the extenal world*, London and New York.
- Russell, B., 1985. *The Philosophy of Logical Atomism*, Oxford University Press.